

АБАЕВ В. И.

Parerga 1.

«СИНЕЕ ВИНО» В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

«Слово о полку Игореве» подобно двуликому Янусу. Одним лицом оно обращено к народной поэзии, другим — к литературным традициям, сформировавшимся в первые века русской письменности. Различить эти два лица не всегда легко, в особенности если учесть, что то, что мы называем литературной традицией, тоже где-то в своих истоках могло смыкаться с фольклором.

Подобные сомнения — фольклорное или книжное? — возникают по поводу многих пассажей знаменитой поэмы.

Сон князя Святослава — вставной сюжет в «Слове о полку Игореве» — композиционно не очень крепко связан с основным содержанием поэмы, и не исключено, что он взят как готовое клише из другого, фольклорного или литературного, источника. Указывали, в частности, на сходство сна Святослава со сном древлянского князя Мала из «Повести временных лет» [1, II, с. 299—300; 2, с. 113—114]. Оба сновидения содержат пророчество о смерти: «черное одеяло» в одном случае, «черная паполома (покрывало)» в другом, жемчуг, детали погребального обряда.

«Сон Святослава» богаче по содержанию, чем «сон Мала», и содержит некоторые упоминания, которых нет в последнем, в частности, «синее вино». Привожу относящуюся сюда часть текста:

А Святъславъ мутенъ сонъ видѣ въ Кіевѣ на горахъ:
Си ночь съ вечера одѣвахуть мя — рече,— чръною
паполомоу на кровати тисовѣ, чръпахуть ми синее
вино съ трудомъ смѣшено...

Перевод:

А Святослав смутный сон видел в Киеве на горах:
«В эту ночь с вечера одевали меня,— говорил он,—
черным покрывалом на кровати тисовой, черпали мне
синее вино, с горем (?) смешанное...»

А. Л. Никитин полагает, что под «синим вином» следует разуметь уксус («уксус из красного вина имеет синий цвет» [2, с. 121]). Крайне сомнительно. Слово *уксус* (*ouksousъ*), из греч. ὄξος, уже вошло в русский язык в XII в. Оно документируется с 1136 года [3, III, стлб. 1193]. Думать, что оно не было известно такому просвещенному человеку, как автор «Слова», нет оснований. Не говорю уже о том, что утверждение, будто уксус из красного вина бывает синего цвета, нельзя признать точным.

Эпитет «синий» не мог относиться ни к какому виду виноградного вина. Речь могла идти только о х л е б н о м *вине*, т. е. водке.

Авторитетные словари русского языка снабжают *вино* в значении «хлебного вина» пометой «простореч.» [4] или «разг.» [5]. Эти пометы ошибочны. Справедливо обратное: *вино* в применении к хлебному хмельному напитку — слово более высокого стиля, нежели *водка*. Трудно было бы понять, каким образом от «просторечного» *вино* образованы такие совсем не просторечные, а вполне литературные, имеющие даже терминологический статус, можно сказать, «официальные» выражения, как *винокуренный завод* «завод по производству водки», *винная монополия* «государственная монополия на производство и продажу водки». Даль в своем словаре под словом *вино* приводит сперва «хлебное вино», а потом уже «виноградное». Слова *водка* в древнерусском литературном языке вообще не существовало.

А соответствующий напиток был известен. Как же его называли? Заимствованное (из лат. *vinum*?, из груз. *ṽino*?) *вино* стало применяться не только к виноградному, но и хлебному напитку. Такой перенос понятен. В северных областях России виноградное вино было только приозное и в старину считалось деликатесом. Поэтому *вином* стали называть также хлебный напиток, третий распространенный алкогольный напиток рядом с медом и пивом. И. И. Срезневский в своих «Материалах» под словом *вино* не разделяет значения «хлебное» и «виноградное», вероятно, потому, что контекст не всегда подсказывает однозначно, о каком из двух напитков идет речь [3, I, стлб. 259]. Но вряд ли можно сомневаться, что по крайней мере часть приведенных их примеров относится к хлебному вину.

Но почему вино — «синее»? Надо полагать, потому же, почему в русском фольклоре, в частности, в былинах, (хлебное) вино — «зеленое» («чара зеленá вина»). Синий и зеленый цвета — соседи по спектру и могли заменять друг друга как украшающий эпитет хлебного вина.

Слово *синий* одного корня с *сиять*, и в его семантическое поле входили понятия «прозрачности», «яркости». Не случайно в «Слове о полку Игореве» *синий* выступает также как эпитет *молнии*: «...трепещуть сини мльнии». «Синее вино» = прозрачное, очищенное вино. Ср. русск. *сивуха* (от *сивый*) — мутная, неочищенная, «сивая» водка. *Синий* и в современном русском языке употребляется как синоним «прозрачного». Например, у В. Шукшина: «Дождик перестал, за окном прояснилось. Воздух стал чистый и синий» [6]. Поэтому вряд ли есть необходимость объяснять синеву вина в «Слове» какими-то особыми окрашивающими примесями, как считает А. Г. Степанов: «Специалисты Института органической химии АН СССР подтвердили, что для улучшения его свойств в спирт могли добавлять какие-либо бактерицидные вещества, в первую очередь — растительного происхождения, которые и придавали жидкости синеватый оттенок» [7].

Полную аналогию «синему вину» древнерусской поэмы мы находим в осетинском языке. Здесь чистое хлебное вино (*araq*) имеет постоянный эпитет *с'æх* «синий». В застольной песне пирующие обращаются к хозяйке:

Raxæss ma nyn dæ k'æbicaꝑ
 Saw bæꝑæny 'mæ c'æx araq.
 «Выпеси нам из своей кладовки
 черное пиво и синее вино (арак)».

С'æх araq «синее вино» — такое же устойчивое сочетание, как *saw bæꝑæny* «черное пиво».

В начале нашей заметки мы ставили вопрос о происхождении текста «Сна Святослава». Разумеется, разбор выражения «синее вино» недостаточен для того, чтобы ответить на этот вопрос. Но все же наличие таких характерных для народной поэзии устойчивых атрибутивных сочетаний, как «синее вино», «серые вороны» (*босуви врани*), «златоверхий терем», говорит о близости к фольклору.

ЛИТЕРАТУРА

1. Повесть временных лет. Ч. I. Текст и перевод; Ч. II. Приложения. М.— Л., 1950.
2. Никитин А. Л. Наследие Бояна в «Слове о полку Игореве». Сон Святослава.— В кн.: «Слово о полку Игореве». Памятники литературы и искусства XI—XVII веков. М., 1978.
3. Срезневский И. И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. Т. I. СПб., 1893; т. III, 1903.
4. Толковый словарь русского языка. Под ред. Ушакова Д. Н. Т. I. М., 1935, с. 294.
5. Словарь русского языка в четырех томах. Т. I. М., 1957, с. 223.
6. Шукшин В. Я пришел дать вам волю. Кишинев, 1982, с. 614.
7. Степанов А. Г. Сон Святослава и «синее вино» в «Слове о полку Игореве». — В кн.: «Слово о полку Игореве». Памятники литературы и искусства XI—XVII веков, с. 149.

РУССКИЙ ГИДРО-, ТОПОНИМ ОРША

Известно, что старые названия некоторых животных у того или иного народа на почве тотемических и магических верований попадают под запрет, табу и заменяются какими-либо описательными, иносказательными или заимствованными наименованиями. При этом случается и так, что табуированное слово, будучи вытеснено из апеллятивной лексики, удерживается в топонимии, этнонимии, антропонимии, теонимии. Так, исконно латинское название волка, **volcus*, было вытеснено заимствованным *lupus*, но удержалось в имени бога-кузнеца *Volcanus*, в фамильном имени *Volcaci* и, может быть, в латинском названии кельтского племени *volcae*.

В славянских языках не сохранилось общиндоевропейское название м е д в е д я, представленное такими формами, как лат. *ursus*, греч. ἀρκτος, др.-инд. *ṛkṣa-*, авест. *arša-*, осет. *ars*. Это слово попало у славян под запрет и было заменено описательным *медведь* (-медо-ед «поедатель меда») [1, I, с. 281—291].

А что, если и.-е. название медведя сохранилось где-нибудь за пределами апеллятивной лексики, например, в топонимии? Стоит поискать. По звуковым нормам русского языка в соответствие приведенным выше и.-е. названиям медведя (др.-инд. *ṛkṣa-*, авест. *arša-*, осет. *ars*) мы должны были бы иметь в русском **орхъ* (с метатезой плавного — **рохъ*)¹. Отсюда производное *орша* (из **орхја*), с метатезой — **роша* (**ръша*). Формально **орхъ* относится к *орша*, как *порохъ* к *пороша*, *пархъ* к *парша*, *верхъ* к *верша*, *духъ* к *душа*, *сухъ* к *суша* и т. п. Мы приходим, стало быть, к хорошо известному русскому топониму *Орша* (*Ръша*). Он известен с глубокой древности. Упоминается в «Повести временных лет» («И взя Вячеславъ Ръшю и Копысу») [3, I, с. 112, 200; II, с. 397, 483]. Сюда же современное *Орша* — название города в Витебской обл. на Днепре, также название нескольких рек в разных частях территории России, в частности, название левого берега Волги в Калининской области [4], *Оршанка* — название населенного пункта [5, с. 168]. Название животных в топонимии — дело обычное. Несколько рек в разных областях России носят название *Медведица* [5, с. 160; 6]. Ряд населенных пунктов зовутся *Медведево*, всего около пятнадцати «медвежьих» топонимов [5, с. 160]. Ср. в литовском *Lokysta* — название реки, от *lokys* «медведь» [7, I, с. 384].

Приведенные факты позволяют высказать предположение, что древнее и.-е. название медведя не исчезло в русском бесследно. Оно сохранилось в ряде гидронимов и топонимов в форме *Ръша*, *Орша*, *Оршанка*, *Оршица*. Форма *Орша* относится к *Оршица*, как *лиса* к *лисица*, *кобыла* к *кобылица* и т. п. *Орша*, с одной стороны, и *Медведица*, с другой, — скрытые синонимы. Антропоним *Орша* (Лермонтов. Боярин Орша), вероятно, вторичный — от топонима [8].

Сомнительны разъяснения гидронима *Орша* у М. Фасмера (к гидрониму *Рось*, к слову *русло* со ссылкой на Соболевского и Бугу) [4]. Не убеждают также сопоставления В. П. Топорова и О. Н. Трубачева (др.-прусс. *Russa*, русский гидроним *Росана*) [9].

ЛИТЕРАТУРА

1. Meillet A. Quelques hypothèses sur les interdictions de vocabulaire.— In: Linguistique historique et linguistique générale. I—II. Paris, 1921.
2. Specht F. Der Ursprung der indogermanischen Deklination. Göttingen, 1947, S. 240.
3. Повесть временных лет. I—II. М.—Л., 1950.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. III. М., 1971, с. 155.
5. Атлас СССР. М., 1956.
6. Энциклопедический словарь. Т. II. М., 1954, с. 354.
7. Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. I—II. Heidelberg, 1962.
8. Лермонтовская энциклопедия. М., 1981, с. 68—69.
9. Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962, с. 200.

¹ Вслед за Ф. Шнехтом [2] мы считаем, что индоевропейские названия медведя возводимы к общему прототипу только по корню, но не по образованию. Видимо, слово уже в древности подвергалось разнообразным табуистическим деформациям и вариациям. Ср. в греческом *архос* рядом с *ἀρκτος*. Слав. **orъ* — вместе с иран. *arša-* безупречно возводится к базе **r(k)so-*.